

Иван Годинович (2)

Ишше был-жил дядюшка с племенницком.
Захотелось дедюшки племенницька женити-се:
«Уж ты шчо же, мой племенницёк, не женисьсе,
На кого, племенницёк, надеисьсе?» —
«Я малёшенек да я глупёшенёк,
Мне-ка стара взеть — да на печи лёжать,
Мне молóда взеть — да всё цюжа корысь».
Столько видели молодца сряжаюцись,
Не видали удалóго поежжаюцись;
Во цистóм поли только курёва идёт,
Курёва идёт да дым столбом стаёт;
Сухо пеньё, кореньё поломалосе.
Приежаёт он к полаты белокамянной;
Он везал коня да ко красню крыльцю,
Ко красню крылцю да г золоту кольцю,
Насыпал пшеници белояровой.
Он по лестовкам пошёл да потихошенько, —
Под им лестовки да подгибаютце,
Он по сеноцьком да помалёшенько, —
Под им сеноцьки да сени дыблютце,
Сени дыблютце, новы колыблютце;
Он заходит в полату белокамянну,
Как полата з боку на бок покацяласе,
Ставники¹ в окошках покосилисе,
На столах питьё, еденьё поплёскалосе.
Как сидит тут Митрей да во большóм углу,
Свет Васильёвиць да во цеснóм мести.
Как спроговорит Митрей свет Васильёвиць:
«Ты не вор ли пришёл к нам, не розбойницёк,
Не зьбеглой ли солдат к нам новобраныя?»
Тут спроговорит удалой доброй молодець:
«Уж ты гой еси, Митрей Митреяновиць!
Я не вор пришёл к вам, не розбойницёк,
Не зьбеглой пришёл солдат да новобраныя;
Я пришёл об том дели об сватовсьви

Я на той ли Настасьи Митреяновны».
Как спрговорит Митрей-от Митреяновиць:
«Как просватана Настасья да за три годика,
Митреяновна да за три осени
За того ли Идолишша за проклятого,
За проклятого да за поганого.
У нас сидит Настасья за сорóк замков,
За сорóк замков да за шурупцятых,
Щчобы ветром Настасью не провеяло,
Щчобы красным ей солнышком не зáпекло,
Щчобы добры ка ей люди не обзарились».
Как пошёл удалой доброй молодец,
Он замки ломать да шурмы шурмовать²,
Уж он брал Настасью за белы руки,
Выводил Настасью да на краснó крыльцё,
Целовал Настасью в сахарны́ уста,
Он садил Настасью на добра коня,
Увозил Настасью во цистó полё.
Оны ехали тут день до вецёра,
А до вецёра да до полúноци.
Дак присьтигла их тут ноцька тёмная,
Ноцька тёмная, долга, осённая.
Воспроговóрит Настасья Митреяновна:
«Уж ты ёй еси, удалой доброй молодец!
Нам пора, пора да со коня сходить,
Со коня сходить да коню здох давать,
Коню здох давать, шатёр роскидывать;
Насыпать пшеници белояровой».
Не послушал удалой доброй молодець.
Как спроговóрит Настасья во второй након:
«Уж ты ёй еси, удалой доброй молодець!
Нам пора, пора со коня сходить
Со коня сходить, да коню здох давать,
Как роскидывать шатёр белой полóтьняной,
Насыпать пшеници белояровой».
Не послушал удалой доброй молодець.
Как спроговóрит Настасьюшка в третей након:
«Уж ты ёй еси, удалой доброй молодець!
Нам пора, пора со коня сходить

Со коня сходить, да коню здох давать,
Как роскидывать шатёр белой полотьяной,
Насыпать пшеници белояровой».

Тут послушал удалой доброй молодець.
Розоставили шатёр белополотьяной
Насыпать пшеници белояровой.

Вдруг не стук стучит, да вдруг не гром гремит,
Вдруг наехало Идóлишшо проклятоё,
А проклятоё самó поганое.

Он крыцал, зыцал да во всю голову,
Во всю силу-могуту всё бо́гатырьцькую:
«Уж ты го́й еси, вудалой доброй молодець!
Ты подай-косе да мою да поеденьщицю,
Поеденьщицю, да красну девицю.
Не подашь ты мне-ка да красной девици, —
Я из рук, из ног да жильё вытяну,
Уж я вырву ретивó серцьё со пе́ченью».

Тут не мог утерпеть удалой доброй молодець,
Он пошёл и(с) шетра бела полотьяна,
Ай схватилисе с Идолишшом проклятым,
Как с проклятым да со поганым.

Залезал удалой доброй молодець
Ай к тому ли к Идолишшу проклятому
На черны груди да на поганья,
Он крыцал, зыцал да зысьним голосом:
«Уж ты го́й еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай-ко мне-ка ножишшо из нага́лишша³,
Уж я вырву у его да ретивó серцьё,
Уж я вырежу его да груди цёрныя».

Не послушала Настасья Митреяновна,
Не подала она ножишша из нагалишша.
Как взмолилсэ удалой доброй молодець:
«Уж ты го́й еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай скоре ножишшо из нагалишша,
Уж мы вынём у Идолишша цёрны́ груди,
Уж мы вынём ретивó серцьё со пе́ченью».

Не послушала Настасья во второй након.
Как взмолилсэ удалой доброй молодець:
«Уж ты го́й еси, Настасья Дмитреяновна!

Ты подай мне-ка ножишшо из нагалишша,
Уж мы вынём у Идолишша цёрны́ груди,
Уж мы вынём ретиво серьцё со пеценью,
Мы из рук, из ног да жильё вытенём».
Не послушала Настасья во третей након.
Выбивалсэ Идолишшо добру молодцу на белы́ груди,
Он крыццал, зыццал да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову,
Во всю силу-могуту да всё тотарьскую:
«Уж ты го́й еси, Настасья доць Митреяновна!
Ты подай мне-ка ножишшо из нагалишша,
Уж мы вырежом у его да груди белыя,
Уж мы вынём у его да ретивó серьцё».
Поскорёшенько Настасьюшка съвернуласе,
Подала она ножишшо из нагалишша.
Тут летит змея, да змея лютая,
Как несёт змея да зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра:
«Уж ты выпей-ко, Идолишшо, привыкушай...»

Он выпил зелья. Разгорецилсэ доброй молодець, вырезал у Настасьи груди белыя, вытянул жильё из рук и ног на ремни сыромятныя, и повесил на лесинку над рекой. Она взмолилась, обещая быть ему женой; он отступилсэ и уехал проць: «Виси, веки-векуша!» Только и приехал к дедюшки порозной [4](#).

Записана А. В. Марковым в с. Варзуге на Терском берегу Белого моря от С. И. Клешово́й.

1 Рамы.

2 Ударять; «шурмы» - вместо «шурупы».

3 Из лагалища - из ножен.

4 Порожний, т. е. с пустыми руками.